

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К34

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Kelly Vanessa
MY FAIR PRINCESS

Перевод с английского *Е. Максимовой*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства
Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Келли, Ванесса.

К34 **Моя прекрасная принцесса : [роман] / Ванесса Келли ; [перевод с английского Е. Максимовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Очарование).**

ISBN 978-5-17-123546-8

Отпрыск королевской семьи, пусть и незаконнорожденный, должен вступить в брак, подобающий его или ее происхождению, — таков негласный закон царствующих домов Европы. Но на что может рассчитывать несчастный английский принц, если его внебрачная дочь Джиллиан, выросшая на вольных просторах Сицилии, ведет себя не как благородная леди, а как дерзкий мальчишка-сорванец?

В полном отчаянии его высочество решает временно передать Джиллиан под опеку безукоризненного знатока придворного этикета и манер — Чарлза Валентина Пенли, герцога Леввертона. Однако воспитание непокорной девчонки принимает весьма неожиданный оборот, когда строгий наставник без памяти влюбляется в очаровательную ученицу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-123546-8

© Vanessa Kelly, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

Глава 1

Сицилия

Февраль 1816 года

Наконец-то она видит человека, убившего отчима. К несчастью, выстрелом она его еще достать не может.

Джиллиан Драйден выдохнула ругательство, за которое бабушка как следует надрала бы ей уши. Прежде чем стрелять, нужно подобраться ближе к бандитам.

— Спорю на что угодно, это изысканное выражение ты подцепила не в салонах палермских аристократов, — пробормотал ее брат. Взгляд Гриффина Стилла тоже был устремлен на небольшую группу людей в ущелье внизу.

— Конечно, нет. Их язык шокирует куда сильнее.

Гриффин негромко рассмеялся, и на сердце Джиллиан потеплело от благодарного удивления. Гриффин был ее братом только по отцу, но от этого не меньшим чудом. Они встретились всего несколько недель назад, однако вот он, лежит рядом с ней на голом известняке в негостеприимных горах Сицилии. Гриффин, как и она сама, целится из ружья с твердым намерением убить. И если это не проявление истинной родственной любви, Джиллиан не знает, что же это означает. В особенности если принять во внимание, что в целом он не одобряет ее действия.

— Ты же понимаешь: я здесь по принуждению, — произнес он, словно прочитав ее мысли.

Для Джиллиан это стало еще одним открытием. Выходило, что ее брат умеет читать чужие мысли.

Джиллиан внимательно всматривалась в свою цель — здорового мужика, только что спрыгнувшего с лошади и передавшего поводья одному из своих людей. Шайка головорезов остановилась в ущелье отдохнуть и напоить коней. Один из бандитов быстро разжег костер, другой снял с седла связку кроликов и начал их свежевать.

Судя по всему, они собрались провести на этом славном лугу некоторое время, что очень устраивало Джиллиан. Гораздо проще пристрелить человека, лениво покуряющего под деревом, чем попасть в него, если он в седле несущейся галопом лошади.

— Знаю, ты не хотел бы здесь находиться, — негромко отозвалась девушка. — И очень благодарна, что составил мне компанию.

— Твоя дорогая матушка поджарит меня на раскаленных углях, если узнает про эту нашу вылазку. И моя жена тоже, — пробормотал Гриффин.

Стоило лишь раз заглянуть в его холодные темные глаза, чтобы понять, насколько он опасен, но в присутствии супруги Джастин Стил превращался в ручного зверька. Со всеми остальными он вел себя как добродушный волкодав, обладающий, однако, смертельной хваткой.

— Ну, бабушку никто не переплюнет, — заметила Джиллиан. — Ты даже представить себе не можешь, что бы сказала об этом она.

Впрочем, не имеет значения, что подумают по этому поводу мать или бабушка. Сейчас она, как никогда, близка к цели, к которой стремилась последние пять лет. Видя Антонио Фальконе прямо перед собой, Джиллиан не допустит, чтобы кто-то помешал ей совершить правосудие.

Гриффин пошевелился, пытаясь найти более удобное положение на безжалостной голой скале.

— Вообще-то я много слышал о тебе от леди Марбери. Она весьма обеспокоена твоим импульсивным поведением.

Джиллиан повернулась к брату и прищурилась. Глаза его были скрыты в тени обвисших полей шляпы, а черты умного загорелого лица лишены всяческого выражения. Длинные черные волосы падали на плечи, а тонкий шрам, тянувшийся по щеке, делал его похожим скорее на бандита, чем на богатого образованного человека, в чьих жилах текла королевская кровь.

— Они хотят прибрать меня к рукам, да? — спросила Джиллиан. — Но ты же понимаешь, что это бессмысленно.

— Так я и сказал леди Марбери. К сожалению, она сочла мое замечание неубедительным.

— Если ты не одобряешь то, что я делаю, зачем ты здесь? Это не твоя битва, к тому же у меня есть помощники.

Гриффин фыркнул:

— Старик и мальчишка?

— Стефано научил меня всему, что я умею, а его внук — смысленый мальчуган.

Гриффин оглянулся на углубление в скале, где старик и мальчик удерживали лошадей.

— Похоже, Стефано не меньше восьмидесяти, а его внук только вчера научился забираться на лошадь.

Джиллиан перевела взгляд на бандитов.

— Значит, вот почему ты пошел со мной: пообещал моей семье, что будешь оберегать меня, — но в этом нет необходимости.

Джиллиан уже несколько лет ждала этого момента. Если ей не хватит сил и умения, чтобы убить Фальконе сейчас, она не будет иметь ни минуты покоя в будущем.

«Я тебя не подведу, дорогой мой папа».

— Я и сказал леди Марбери, что ты в состоянии защитить себя сама, — отозвался Гриффин. — А сам подумал: почему бы не пойти с тобой и не помочь, если сумею.

Джиллиан была благодарна брату и за то, что он никогда не разговаривал с ней как с глу-

пенькой барышней. Или того хуже: не обращался с ней как с помешанной из-за того, что она хотела отомстить за жестокое убийство отчима. Ее вполне устраивало, что она не похожа на других девушек, но не всегда легко быть изгоем и жить в тени, потому что твое имя — и само твое существование — замараны скандалом. И потому мысль о том, что брат с женой приехали на Сицилию, чтобы найти ее, согревала Джиллиан до кончиков пальцев.

Они рассматривали мужчин, расположившихся на лугу. Солнце золотило берег речки, но листва деревьев частично закрывала мишень. Лучшее место для стрельбы, конечно, внизу справа, на едва заметной тропинке, что тянулась вдоль скал.

Джиллиан всего несколько часов назад узнала от жителя соседней деревни, что Фальконе выступил в путь. Пришлось здорово поторопиться, но, к счастью, час был достаточно ранний и никто на бабушкиной вилле не увидел, как она помчалась к конюшне, — никто, кроме Гриффина. Самым большим потрясением для Джиллиан оказалось то, что он, даже не попытавшись остановить ее, лишь возвел глаза к небу и оседлал еще одну лошадь.

— Знаешь, ты ведь совсем не обязана это делать, — пробормотал Гриффин. — Я могу... вместо тебя.

Она смотрела на него, шурясь от яркого света. Судя по выражению лица, он говорил серьезно — неприличное чувство благодарности снова окутало сердце теплом.

— Никто не предлагал мне ничего подобного раньше, — мягко отозвалась Джиллиан.

Гриффин сверкнул улыбкой.

— В основном у людей нет привычки предлагать юным леди застрелить кого-нибудь.

— Разумеется, кроме как у тебя.

— Знаешь, ты не первая.

На долю секунды Джиллиан почувствовала искушение позволить ему убить Фальконе за

нее. В конце концов, она не из тех, кто получает удовольствие, убивая. Когда она впервые убила бандита, то едва успела убежать, до того как упала на колени и извергла наружу содержимое желудка. То же самое произошло и во второй, и в третий раз.

Вероятно, так случится и после Фальконе. Но ведь именно он приставил пистолет к голове отчима и нажал на спусковой крючок. Жажда правосудия — или отмщения, как скажут многие, — действительно иссушает душу. Она уже не раз была почти готова отступить. Но Фальконе и его люди слишком долго действовали безнаказанно, совершая убийства и устраивая беспредел. Поэтому Джиллиан ни за что не откажется от своей клятвы, данной отчиму в тот день, когда они оставили его покоиться в холодном мраморе.

— Я тронута, Гриффин, но должна сделать это сама.

Он досадливо выдохнул:

— Ты же понимаешь, что смерть ублюдка не принесет тебе покоя...

— Я не ищю покоя. Я ищю возмездия.

— Точнее, отмщения. Этим должны заняться власти Палермо.

В ответ она лишь презрительно фыркнула. Ее бабушка, графиня Марбери, потратила годы, добиваясь правосудия у властей. Их это не интересовало. Не интересовало это и наследника отчима, нынешнего графа Патерини. До тех пор пока Фальконе набивает их сундуки взятками, власти и местная знать с радостью будут и дальше позволять бандитам сеять страх по всей Сицилии.

Гриффин внимательно смотрел на сестру.

— Ты не должна марать руки кровью, моя дорогая девочка.

— Они уже испачканы, Гриффин.

Он озадаченно взглянул на нее, потом до него дошло.

— Боже милосердный! И сколько человек ты успела убить? — Голос его звучал потрясенно.

— Нескольких, — уклончиво ответила Джиллиан.

— О, и это все, что ты можешь сказать?

— Они это заслужили.

Бандитское отребье убило отчима, двух его телохранителей и юного грума, сопровождавшего их в том роковом путешествии по ущелью Тиберио. Очень удачно, что Джиллиан нанесет удар правосудия почти в том же месте, где те невинные души сделали свой последний вдох.

Брат едва слышно выругался.

— Джиллиан, твоя жизнь не должна быть такой.

— Неужели я кажусь тебе добропорядочной молодой леди?

Он насмешливым взглядом окинул ее наряд — куртку из овчины, бриджи из оленьей кожи, сапоги для верховой езды.

— Ты вполне можешь ею стать. Ты привлекательная девушка, когда не маскируешься под кровожадного головореза.

— А я-то думала, ты единственный, кто меня понимает, — раздраженно огрызнулась Джиллиан.

— Понимаю, но если ты будешь продолжать в том же духе, это не пройдет для тебя бесследно. Убийства всегда отрицательно сказываются на человеке.

Она даже не поморщилась.

— У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда, Джиллиан.

Она снова перевела взгляд на курящего трубку Фальконе. Бандит так удачно сидел на открытом пространстве, но чтобы пуля достала его, нужно подобраться поближе.

— Нет смысла об этом спорить. Я сделаю то, что должна сделать, — произнесла Джиллиан.

— Нет, я.

— Виновата во всем я, — прошипела девушка. — И точку поставить должна я — и никто

Гриффин нахмурился:

— Не понимаю.

Джиллиан пришлось проглотить комок в горле, прежде чем ответить.

— Я виновата в том, что убили отчима. Я отправила его прямо на линию огня Фальконе.

— Значит, тобой движет чувство вины? В таком случае убийство Фальконе окажется пустой победой. — Гриффин сжал ее руку. — Пока ты винишь себя, покоя нигде не найдешь.

Боже, как ей хотелось, чтобы он ошибся! Он должен ошибиться.

— Я еще никогда не встречала человека, который раздражает так, как ты.

— Моя жена регулярно говорит мне об этом.

Внизу Фальконе выбил из трубки остатки табака, поднял с камня свою чудовищную тушу и зашагал к рощице, в которой расположились его люди. Джиллиан мысленно выругалась, повернулась и сделала знак Стефано. Старик вытащил пистолет из-под сидельного ремня, готовый прикрыть ее.

— Гриффин, хочешь — помогай, не хочешь — не надо, но я сделаю это сейчас.

Не дожидаясь ответа, Джиллиан перекинула ружье за спину и соскользнула со скалы. Так быстро, как только осмелилась, она сползла вниз на узкую тропинку, что вилась по краю ущелья. Если встать, вряд ли ее заметят снизу, но рисковать Джиллиан не собиралась. За эти годы Фальконе слишком часто ускользал от нее.

Брат держался рядом. Она чувствовала, что Гриффин кипит досадой, но все же не издает ни звука. Нужно отдать ему должное — он чертовский молодец.

В нескольких футах от своей цели Джиллиан подняла руку, чтобы остановить брата, и оглянулась. Сразу за ними стоял, пригнув-

шись, Стефано. Его загорелое морщинистое лицо скрывалось в тени, отбрасываемой широкополой шляпой.

Гриффин смотрел потрясенно. Видимо, он не заметил, когда старик успел подкрасться так близко с пистолетами наготове. Может, Стефано и постарел, но все еще оставался сильным и энергичным, умел передвигаться как привидение, безмолвное и смертоносное.

Джиллиан пригнулась к земле и перекинула из-за спины винтовку. Она уже трижды ее проверила, но не поленилась и проверила в четвертый раз. Отличное оружие, легкое и короткоствольное, но не такое точное, чтобы стрелять прицельно. И хотя Джиллиан могла быстро перезарядить винтовку, если промахнется, в это время она будет представлять собой идеальную мишень.

Значит, попасть нужно с первого выстрела.

Гриффин встал рядом. Он напряженно кивнул ей и поднял свое ружье, хрипло втянув воздух. Джиллиан быстро поднялась на ноги и прицелилась в Фальконе.

По несчастливой случайности, в этот момент над их головами пролетел орел, испустив громкий крик. Бандиты машинально подняли головы и уставились прямо на них с Гриффином.

Джиллиан выстрелила. Оглушающее эхо прокатилось по ущелью. Снова грохнуло — Гриффин выстрелил секундой позже. Фальконе, спотыкаясь, отступил назад, упершись спиной в ствол дерева, и взревел, схватившись за плечо. Один из бандитов рухнул на землю, как мешок зерна, сброшенный с тележки, остальные кинулись за оружием.

— Ложись, ненормальная баба! — заорал Гриффин, пытаясь оттащить сестру от края обрыва.

Джиллиан вывернулась, скользнула вниз по
10 каменистой осыпи и едва не упала, но сумела

устоять на ногах и перезарядить винтовку. Гриффин, не прекращая грязно ругаться, сделал то же самое. Она подняла оружие, прицелилась и снова выстрелила.

Мгновение спустя пуля ударила ей в плечо, швырнув на землю. Затылком она приложилась к камню — в голове вспыхнула боль. Джиллиан лежала, оглушенная, и смотрела в небо, мерцающее молочной дымкой. В ушах гудели тысячи церковных колоколов.

«Шевелись, идиотка!»

Она не могла шевельнуть даже пальцем.

Над ней возникло лицо Гриффина, чуть менее туманное, чем небо.

Джиллиан, преодолевая боль, все же прошелестела:

— Я в него попала?..

— Ради бога, не сейчас! — рявкнул Гриффин.

Он что-то прижал к ее плечу с такой силой, что к горлу поднялась желчь, а перед глазами заплескали черные точки. Джиллиан усилием воли прогнала надвигающуюся черноту.

— Фальконе мертв?

Гриффин оглянулся, крикнул что-то Стефано, затем снова повернулся к ней и сказал:

— Мертв.

Ее охватило невероятное облегчение, на мгновение прогнавшее пожиривший тело огонь.

— Мы сделали это, Гриффин...

Если она умрет, то — благодарение Богу! — усилия оказались не напрасными.

— Точно. — Гриффин что-то туго затянул на ее плече и руке. Она с трудом удержалась от крика. — Но поверь, дорогая сестрица, на этом дни, когда ты убивала, завершены.

Он поднял Джиллиан и перекинул через плечо — темнота захлестнула все вокруг, избавив ее от жары, света и боли.

От всего.

Глава 2

Лондон

Май 1816 года

Чарлз Валентин Пенли, шестой герцог Левертон, торопливо сошел с тротуара на мостовую, едва сумев избежать столкновения с тремя мальчишками, которые стремглав неслись по улице, возвращаясь из парка домой. Пусть ему и нравилось их отличное настроение, все трое здорово перепачкались в грязи, а человек обычно не наносит визиты в таком виде, будто только что покинул конюшню.

— А ну помедленнее, сорванцы! — крикнул Кейтс с козел коляски. — Вы чуть не сшибли его светлость. Вот бы упал на задницу!

Кейтс, превосходный грум, время от времени забывался, и сомнительное происхождение рожденного в лондонском борделе давало о себе знать.

— Совсем ни к чему так кричать, — заметил Чарлз.

— Они могли напугать лошадей. Да вы и сами перепугали бедных животин до смерти, эдак-то спрыгнув с тротуара, — обвинительным тоном добавил Кейтс. В его мире не могло быть ничего хуже, чем игра на нервах вверенных ему животных.

— Неосмотрительно с моей стороны, — сказал Чарлз. — Как ты думаешь, должен я перед ними извиниться?

— Ну, ваша светлость, не надобно вам переводить все в шутку. Вы и сами знаете: эта пара терпеть не может выходить из конюшни при таком-то ветре. Говорю вам: это почти что ураган.

Словно для того, чтобы подтвердить его слова, по Брук-стрит пронесся порыв ветра, в воздух взвилась пыль и юбки трех нянек, спешивших вслед за своими непослушными подопечными. Двое из них, со-

всем молоденькие и довольно хорошенькие, кокетливо улыбнулись Чарлзу, бормоча сло-

ва извинения за неудобства, причиненные мальчишками.

Чарлз вежливо улыбнулся им в ответ и повернулся к Кейтсу.

— Ну хорошо, можешь вернуться на Гросвенорсквер. Не знаю, сколько времени мне придется тут пробыть, но боже упаси держать лошадей на улице во время урагана!

День выдался и впрямь ветреный, не по сезону холодный в эту весну, и все же выйти из дома было приятно.

Лишь недавно вернувшись из своего имения в Линкольншире, Чарлз провел последние несколько дней, по уши зарывшись в бумаги в кабинетах парламента. Ему не хватало долгих верховых прогулок, свежего воздуха и спокойной, упорядоченной жизни в деревне.

Кейтс оценивающе взглянул на темно-серое небо.

— Вы уверены, сэр? Похоже, вот-вот хлынет дождь. Вы ж не хотите промочить сапоги. Да у Джоббинса случится припадок!

— Позволь, я тебе кое-что объясню, Кейтс. Я герцог, а Джоббинс — мой камердинер. Я плачу ему жалованье, но не собираюсь платить за то, что у него может случиться припадок.

Грум неуверенно посмотрел на него.

— Как скажете, ваша светлость.

Вся прислуга Левертон-Хауса жила в страхе перед Джоббинсом, который находился там со времен Всемирного потопа и умел добиваться неохотной уступчивости даже от дворецкого. Свои устрашающие повадки Джоббинс перенял у предыдущего хозяина, пятого герцога Левертона, однако, в отличие от пятого герцога, Джоббинс имел сердце. Чарлз находил весьма забавным, что камердинер относился к нему с большей приязнью, чем собственный отец.

Чарлз сжался над вконец обеспокоенным грумом.

— Что ты предпочтешь — пусть промокнут лошади или я?

Кейтс бросил еще один встревоженный взгляд на небо, затем посмотрел на терпеливо ждущую пару.

— Ваша правда, сэра. Лучше мне доставить этих двоих домой.

Кейтс пустил лошадей быстрой рысью по Брук-стрит, а Чарлз повернулся и начал подниматься по ступеням красивого городского особняка из оштукатуренного кирпича, принадлежавшего герцогам Марбери, хотя он и сдавался в аренду до недавнего возвращения в Англию леди Марбери и ее семейства после многих лет жизни за границей.

«Они и твоё семейство тоже», — напомнил себе Чарлз.

Он и леди Марбери приходились друг другу дальними кузенами по отцовской линии, а дочь леди Марбери, теперь вдова итальянского аристократа, в юном возрасте вышла замуж за одного из дядьев Чарлза с материнской стороны.

Тот союз продлился всего несколько лет, пока дядюшка не скончался от сердечного приступа в постели известной куртизанки. Молодая вдовствующая герцогиня тоже допустила скандальные отношения — настолько скандальные, что семейство Марбери бежало на континент, сперва поселившись в Неаполе, а затем на Сицилии.

Они оставались там больше двадцати лет, даже после смерти лорда Марбери. А почему вернулись сейчас и зачем леди Марбери в столь категоричной форме призвала к себе Чарлза — эта загадка требовала некоторой осторожности.

И все же Пенли и Марбери были семьей, а Пенли всегда ставили интересы семьи превыше всего. Этот урок вбили ему в голову с детских лет, и вряд ли он когда-нибудь о нем забудет.

Лакей в ливрее впустил его в дом, негромко приветствовал и принял у него шляпу и пер-

чатки. Мгновение спустя из глубины дома появился в высшей степени корректный дворецкий, чтобы проводить Чарлза к леди Марбери.

Окружающая обстановка создавала атмосферу спокойной, знакомой элегантности. Ребенком Чарлз часто посещал этот дом, и теперь видел, что тут ничего не изменилось с тех давно прошедших дней, когда Марбери скандально покинули Англию.

Дворецкий проводил его в дальнюю часть дома. Чарлз смутно припомнил, что тут находилась личная гостиная леди Марбери. А это было уже интересно, ведь он предполагал, что его визит официальный.

В последний раз они виделись, когда Чарлз был неоперившимся юнцом и совершал со своим наставником большое путешествие по Европе. С тех пор многое изменилось, а Чарлз стал герцогом Левертоном.

Дворецкий коротко постучал в дверь и доложил о его прибытии.

Чарлз вошел в небольшую комнату и остановился, чувствуя себя так, словно вернулся в давно прошедшие годы. Обстановка не изменилась. Даже желтые шторы с фестонами, обрамляющие окна, были теми же, только изрядно выцвели. Он вспомнил и богато украшенные французские настольные часы на каминной полке, и портрет предыдущего графа Марбери кисти Ромни, висевший над камином.

Это заставило его почувствовать себя ребенком — ощущение, не доставившее никакого удовольствия.

Негромкий смех отвлек Чарлза от размышлений.

— Жутковато, правда? Стоило войти в эту комнату, и я почувствовала себя молодой. Мы отсутствовали так долго.

К нему подошла леди Марбери, элегантная дама, одетая скорее во французском, чем в английском стиле. Ясные голубые глаза смотрели весело. Привлекательное, почти без морщин, лицо освещала приветливая улыбка. Лишь белоснежные во-